

УДК 323.1

В. В. ШИМОВ,
КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОСТИ НА УКРАИНЕ

Рассматриваются историко-культурные и геополитические факторы формирования современного кризиса на Украине. Исследуются исторические предпосылки возникновения конфликта между украинскими регионами. Дается оценка влияния внешних сил на ситуацию внутри этой страны.

Ключевые слова: Украина; Россия; геополитика; национализм; сепаратизм.

The historical, cultural and geopolitical factors of forming the present-day crisis in Ukraine are considered. The historical background of the regional conflict in Ukraine is studied. The impact of the external geopolitical factors on the country's situation is given estimation to.

Key words: Ukraine; Russia; geopolitics; nationalism; separatism.

Острый конфликт, разразившийся на Украине, стал неожиданностью для многих. О внутренней неоднородности этой страны и присущем ей культурно-языковом антагонизме между регионами говорили уже давно. В политическом пространстве внутриукраинский антагонизм впервые открыто заявил о себе в 2004 г. в ходе так называемой «оранжевой революции». Тогда же была артикулирована тема федерализации страны как способа урегулирования межрегионального антагонизма¹. Однако, очевидно, никто не ожидал, что этот региональный антагонизм может перейти в «горячую» стадию, по сути, в гражданскую войну.

Нетрудно заметить, что конфликт на Украине – это не только конфликт национально-языковых идентичностей, но и геополитических ориентаций. Украина – классическое буферное, лимитрофное образование, существующее в зоне пересекающихся интересов крупных геополитических игроков. Конфликт «восток – запад» внутри Украины является проекцией большого многовекового противоборства между Россией и различными западными игроками (Польша, Австрийская и Германская империи, Европейский союз, США), в разное время претендовавшими на геополитическую гегемонию в Восточной Европе. Именно это противоборство во многом задавало логику развития культурных, национальных, языковых процессов на территории Украины и обуславливало их конфликтный, противоречивый характер.

Внешние формы противостояния России и Запада на Украине менялись, однако суть оставалась одна. Для России Украина никогда не была просто геополитически значимым плацдармом. Для российской политической традиции характерно воспринимать Украину как часть русского исторического, культурного и национального пространства. Идея, что украинцы (в терминологии того времени – малороссы) наравне с русскими (великороссами) и белорусами составляют большой «триединый русский народ», была официальной национальной доктриной в Российской империи. В советский период в основу национальных отношений между восточными славянами была положена модель «трех братских народов», где русские, белорусы и украинцы признавались пусть и отдельными, но все же связанными особо тесными историческими и культурными узами народами, вышедшими из общей древнерусской колыбели. Фактически эта модель стала своего рода суррогатом дореволюционной идеи «русского триединства», которая так и не была вытеснена из подсознания значительной части населения Украины. Поэтому неслучайно акции протеста на Донбассе и в других юго-восточных областях Украины проходили не просто под пророссийскими лозунгами – они открыто декларировали русскую идентичность.

Соответственно, отрыв Украины от России всегда представлялся стратегически значимым фактором ослабления последней для ее геополитических конкурентов. Продвижение прозападных и одновременно антироссийских идеологий и идентичностей на Украине является неотъемлемой частью этой стратегии.

Конкуренция разнонаправленных геополитических ориентаций и идентичностей закономерно прелятствовала национальной консолидации украинского общества. Более того, в XX в. этот идеологический раскол обрел четко выраженное географическое измерение, породив антагонизм юго-восточных и западных регионов страны. Все эти факторы неизбежно работали на дестабилизацию и дезинтеграцию Украины.

Украинский опыт крайне важен и для Беларуси, которая как и Украина, находится в положении геополитического буфера между Россией и Западом и испытывает мощные возмущающие воздействия вследствие их конкуренции за сферы влияния в Восточной Европе.

Чтобы не допустить в Беларуси осуществления сценария, аналогичного украинскому, необходим анализ событий, происходивших и происходящих на Украине.

«Воображая» нацию: интеграция и сепаратизм

Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», существующее как продукт коллективного «воображения» своих членов². Любая нация, даже численно небольшая, является неконтактной социальной группой, большинство участников которой лично не знают и никогда не узнают друг друга. Поэтому такое сообщество может существовать только как воображаемое, т. е. посредством воспроизводства образов, представляющих данное сообщество как внутренне интегрированную целостность – нацию. Эти образы могут быть самые разнообразные: представления об общности происхождения и истории, государственная символика, географические карты, обозначающие национальную территорию, некие неформальные символы и т. п. Важным элементом этого образного ряда является национальный язык. Следует отметить, что большинство национальных движений Европы носили именно языковой характер. Этим Европа отличается, например, от Америки (как Северной, так и Южной), где формирование наций происходило на основе гражданского противостояния колоний и метрополий, говоривших на одном языке (английском, французском, испанском или португальском). В Европе, где на малом пространстве сконцентрировано большое разнообразие этнических групп, язык закономерно становился символом национальной особенности.

Как о продукте «воображения» можно говорить не только о нации, но и о национальном языке. Очевидно, следует различать язык как живую речь, средство коммуникации между конкретными людьми и *образ языка* как атрибут того или иного национального сообщества. Национальный язык не является некой объективной реальностью – он продукт *концептуальной обработки* этой реальности. Действительно, в ряде случаев оказывается достаточно сложным провести границы между близкородственными наречиями и диалектами, а также обосновать либо принадлежность тех или иных наречий к одному языку, либо их лингвистическую обособленность. Кроме того, нередко национальным активистам приходится противостоять тенденциям языковой ассимиляции, когда население, язык которого по тем или иным причинам оказался социально непрестижным, постепенно переходит на более «престижный» язык. Во всех этих случаях речь идет о создании *образа языка*, который служит для национальной консолидации и мобилизации, а также для обособления от соседних, часто близкородственных, этнических групп.

В европейской истории были нередки случаи, когда определить границы «воображаемых» и соответствующих им языковых сообществ оказывалось достаточно непросто. В таких ситуациях речь обычно шла об этнически и лингвистически близкородственных группах, тесно связанных друг с другом исторически. Как следствие, определить статус таких групп иногда затруднительно. В результате возникают конкурирующие национальные проекты, включающие одни и те же территории и население в состав разных «воображаемых сообществ». В общем виде эти проекты можно разделить на два типа: интеграционные и сепаратистские.

Интеграционные проекты предполагают включение в состав единого «воображаемого сообщества» нескольких близкородственных этноязыковых групп. При этом этноязыковые различия между ними рассматриваются как местное историко-культурное, этнографическое и диалектное своеобразие. Подобная модель предполагает формирование единого литературного языка, который представляет собой либо «искусственное» наддиалектное койне, либо литературно обработанную форму диалекта этнической группы, «доминантной» в данном национальном сообществе. Су-

ществование прочих диалектов и наречий также допускается (причем они могут получить определенную степень литературной обработки и найти применение в публичной сфере), но они занимают подчиненное положение по отношению к «общенациональному» языковому стандарту. Интересный случай представлял собой интеграционный проект «чехословацкой нации», где чешский и словацкий литературные языки допускались в качестве двух вариантов нормы единого «чехословацкого языка».

Сепаратистские проекты, напротив, стремятся к национальному обособлению подобных этноязыковых групп. В таком случае все этнографические, лингвистические и историко-культурные особенности рассматриваются как признаки национального отличия, а на основе местных наречий и диалектов формируются отдельные национальные языки, причем, как правило, формирование этих языков идет таким путем, чтобы максимально отдалить их от близкородственных языков.

В качестве классического примера интеграционного проекта может рассматриваться пример германской нации, которая возникла в результате консолидации нескольких этнических групп германских племен. Аналогичным образом возникла французская нация, сформировавшаяся в результате интеграции на базе единой франкоязычной культуры нескольких исторически и этнически достаточно разнородных регионов. Примеры можно приводить дальше, поскольку практически каждая крупная европейская нация возникла в результате «собрания» воедино нескольких регионов с большей или меньшей степенью этнокультурных и исторических отличий.

Нацию принято рассматривать как феномен Нового времени, возникающий не раньше XVII–XVIII вв. (Западная Европа) и XIX–XX вв. (Центральная и Восточная Европа). Вместе с тем очевидно, что в Новое время нации возникают не на «пустом месте» – их возникновение во многом подготавливалось предшествующим историческим развитием определенной территории. Историческая и культурная связанность тех или иных территорий формируется задолго до появления «национальной идеи» и является обязательным условием возникновения последней. Так, возникновение единой немецкой нации было бы невозможным без тесной историко-культурной связанности немецких земель, сложившейся в предшествующие исторические периоды. Такая связанность далеко не всегда предполагает политическое единство: немецкие земли (как и итальянские) вплоть до середины XIX в. существовали в форме обособленных образований, что, однако, не «отменяло» интеграционных тенденций, приведших к возникновению идеи единой германской и итальянской нации. Франция, напротив, уже в донациональный период была централизованным государством в форме абсолютной монархии, что значительно облегчило и ускорило национальную интеграцию этнически очень разнородных территорий. Историко-культурная связанность, в той или иной форме возникшая в донациональный период, является необходимой предпосылкой возникновения национальной идеи в Новое время.

Отсутствие подобной исторической связанности может привести к формированию разных национальных общностей на базе этнически близкородственного материала. Так, формирование двух конкурирующих политических центров на Пиренейском полуострове привело к появлению на близкородственной диалектной основе двух языков – испанского и португальского – и двух национальных сообществ. Аналогичным образом произошло разделение так называемого нижненемецкого этноязыкового пространства. Реализация успешного политического, экономического и культурного проекта в Нидерландах привела к формированию здесь самостоятельной нации и выработке нидерландского языкового стандарта, в то время как остальная часть нижненемецкой зоны вошла в общенемецкий национальный проект и языковое пространство с доминированием верхненемецкой литературной нормы.

Нередки ситуации, когда грань между двумя описанными выше ситуациями провести достаточно сложно, т. е. определенная историко-культурная связанность сопровождается наличием региональных «сепаратистских» проектов, и победа интеграционных или дезинтеграционных тенденций зависит от конкретного стечения исторических обстоятельств, вмешательства внешних заинтересованных сил и т. п.

Так, зона проживания сербов, хорватов и боснийцев – это единый диалектный континуум и исторически связанное пространство. Вместе с тем перемежающиеся политические, культурные и религиозные влияния привели к конфессиональному разделению и формированию достаточно глубоких культурных отличий, что способствовало конфликтности отношений между близкородственными этническими группами. Тем не менее в XIX–XX вв. предпринималась попытка снять эти противоречия и сформировать единый югославский культурно-политический проект. Однако внутренние противоречия в сочетании с неблагоприятной внешней конъюнктурой привели к трагическому краху этого проекта. В результате произошел политический распад Югославии, предпринимаются попытки демонтажа культурно-языковой связанности этого пространства. Вместо единой сербско-хорватской языковой нормы (на основе кирил-

лической и латинской графики) сегодня формируются отдельные сербская, хорватская, боснийская и даже черногорская нормы, причем очевидная задача этих лингвистических новаций – максимальное отдаление новых языков друг от друга.

В чем-то аналогичная, хотя и без налета трагизма, ситуация имела место в чешско-словацких отношениях. Существование древней Великоморавской державы, в состав которой входили земли нынешних Чехии и Словакии, в Новое время породило идеологию чехословакизма, в соответствии с которой чехи и словаки являются единым народом – чехословаками³. «На руку» этой идеологии играло не только общее историческое прошлое, но и объективная лингвистическая близость чешских и словацких диалектов. Вместе с тем долгая историческая изолированность чешских и словацких земель (после падения Моравского государства Чехия была тесно связана с германским миром, а Словакия оказалась под властью Венгрии) осложняла национальную интеграцию чехов и словаков. Параллельно идет формирование двух литературных норм – чешской и словацкой, в Словакии развивается национальное движение, не разделяющее идей чехословакизма. Тем не менее чехословакизм становится официальной идеологией при создании первого Чехословацкого государства; чешский и словацкий признаются двумя вариантами единого чехословацкого языка. Однако межвоенная Чехословакия оказывается слишком слабой для реализации курса на полномасштабную чехословацкую национальную интеграцию; вмешательство внешних сил (Германия, Венгрия) способствует обострению отношений между двумя частями государства. Все это ведет к упадку идей чехословакизма; послевоенная Чехословакия организуется уже не как государство чехословацкого народа, а как федерация двух национальных республик. Закономерным итогом этого процесса становится окончательный «развод» Чехии и Словакии в 1993 г.

Еще одним примером подобной «игры» интеграционных и дезинтеграционных тенденций могут служить болгарско-македонские отношения. Македония, в языковом отношении тяготеющая к болгарской диалектной зоне, в историческом отношении была тесно связана с Сербией, которая всячески препятствовала реализации идеи «большой» болгарской нации, включающей македонцев в качестве одной из этнолингвистических групп. Результатом этих усилий стало создание македонской государственности в составе Югославии и кодификация отдельного от болгарского македонского языка, который является самым молодым литературным славянским языком, если не считать современных попыток создания новых южнославянских языков вместо единого сербскохорватского.

Малороссия или Украина?

Ситуация в отношениях между Украиной и Россией во многом напоминает описанные выше примеры борьбы интеграционных и дезинтеграционных, или сепаратистских, тенденций. Интеграционная тенденция здесь олицетворяется идеей большой русской нации, включающей в себя все этнические группы восточных славян, и «большого» русского языка как совокупности всех восточнославянских наречий, объединенных общей литературной формой (что, как и в случае с чехословацким языком, допускает бытование региональных литературных вариантов на базе местных диалектов). При этом определение «русский» выступает как совокупное, собирательное обозначение восточных славян (собственно, понятие «восточные славяне» и было введено в оборот для вытеснения этого собирательного значения слова «русские»). Соответственно, «сепаратистское» начало олицетворяет украинский национальный проект, выступающий за формирование украинской нации с отдельным литературным языком и противостоящий общерусской идее.

Общерусская идея опиралась на давнюю историческую и культурную традицию, обеспечивавшую ту связность восточнославянских земель, которая и является важной предпосылкой для формирования интеграционного национального проекта. Она отсылает к исторической памяти восточных славян, связанной с древнерусским наследием. Общерусская идея основана на утверждении, что восточнославянская этнополитическая общность, сложившаяся в древнерусский период, не распалась после гибели Древней Руси и продолжала существование поверх новых политических границ, разделивших восточных славян политически, но не духовно и культурно. Соответственно, все восточные славяне являются единым русским народом, который должен проживать в едином государстве⁴.

Действительно, самоназвания «Русь», «Россия» и их производные употреблялись в XIII–XVIII вв. на всем пространстве исторической Древней Руси, входившей в состав Московского царства, Литвы и Польши⁵. Поэтому неудивительно, что присоединение белорусских и украинских земель после разделов Речи Посполитой к Российской империи стремились истолковать как освобождение русских братьев из-под власти

иной Польши. В частности, политика генерал-губернатора М. Н. Муравьева в белорусско-литовских губерниях после подавления польского восстания 1863 г. определялась как «восстановление русских начал в крае».

Важно подчеркнуть, что идея общерусского единства была не порождением российского официоза, она находила поддержку на землях Беларуси и Украины. В Беларуси это проявилось в движении западнорусизма, развивавшегося в среде местной православной интеллигенции и духовенства. Воссоединение белорусских униатов с православной церковью в 1839 г. также было осуществлено в первую очередь по инициативе русофильски настроенного крыла униатского клира. Более того, главный инициатор этого масштабного события митрополит Иосиф Семашко в своих воспоминаниях указывал, что в деле ликвидации униии приходилось преодолевать противодействие полонофильски настроенного чиновничества Петербурга⁶.

Аналогичное интеллектуальное течение, которое можно определить как «малороссийство», развивалось и на Украине. Причем поддержку оно получило и в исторической области Галиции, входившей тогда в состав Австрийской империи и воспринимаемой сегодня как главный оплот украинского национализма (так называемый «украинский Пьемонт»). Основными носителями русофильских идей в Галиции были униатские священники, среди которых в XIX в. были популярны идеи сближения с православными, а то и прямого перехода в православие. Как отмечает по этому поводу современный российский историк А. И. Миллер, «в XIX веке настолько значительная часть униатских священников была в лагере русофилов, что Вена и Ватикан в начале 1880-х гг. были вынуждены организовать тотальную чистку рядов униатского духовенства и провести реформу местных семинарий»⁷. Подобное поведение Вены и Ватикана говорит о том, что они рассматривали русское движение в Галиции как серьезную для себя проблему. О внутренних источниках русского движения в Галиции и о значении для этого процесса униатской церкви писал один из активных галицких русофилов О. А. Мончаловский: «Именно в русской церкви, хотя и униатской, и среди ее верных, под соломенными крышами, тлела искра национальной мысли; церковь отделяла русский народ не только от костела, но и от польской национальности, церковь сохраняла русский язык и русское письмо и оберегала национальные предания. В церковных службах св. Владимиру, св. Ольге, св. Борису и Глебу и другим нашим национальным святым и священники, и народ читали и слышали о «русском роде», а это с живыми преданиями и рассказами, ходившими в народе о Киеве, о Почаеве и других русских городах и местах благочестивого паломничества, о казацких войнах с Польшею и т. п. создавало в умах галичан образ Руси и утверждало их о племенной к ней принадлежности»⁸.

Таким образом, запрос на общерусскую идеологию формировался в первую очередь внутренними закономерностями развития Беларуси и Украины. Политика России могла способствовать развитию этого движения, но не была его первоисточником и «творцом». Это позволяет говорить о том, что историко-культурная связность восточнославянских земель, сложившаяся в древнерусский период, сохранилась и после упадка Киевской Руси и вхождения ее отдельных частей в разные государственные образования. Культурный и информационный обмен между частями Руси продолжался, несмотря на многовековое политическое разделение. Давние традиции историко-культурной связанности, выдержавшие испытание временем и политикой, закономерно сформировали запрос на объединительную национальную идею в Новое время.

Вместе с тем за столетия раздельного существования между разными группами восточных славян накопилось немало различий и противоречий, которые стали предпосылкой для появления украинского, а затем и белорусского национальных проектов, противостоявших общерусской идее и направленных на национальное обособление украинцев и белорусов от русских. За время пребывания в составе Речи Посполитой западнорусское (белорусско-украинское) население подверглось сильному воздействию социально престижной польской культуры. Это, в конечном счете, привело к тотальной полонизации местной аристократии. Но и те слои западнорусского общества, которые оказывали сопротивление полонизации, невольно воспринимали польскую культуру как образчик. В результате даже многие православные иерархи, включая симпатизантов Москвы, в большей степени владели польским, чем церковнославянским; польские бытовые привычки, одежда и тому подобное вошли в массовый обиход. Полонизировался и разговорный язык, причем процесс этот затрагивал и низовую социальную группу, крестьянство, которое так или иначе находилось в контакте с вышестоящими сословиями и многое у них перенимало.

Естественно, что для жителей Великороссии эти особенности нередко казались странными, чуждыми и подозрительными, как результат «еретического» западного воздействия. Но точно такие же предубеждения против «москалей» формировались и у «русского» населения Речи Посполитой, причем в значительной мере под польским влиянием. Поляки в своем геополитическом и цивилизационном противоборстве с

Россией формировали образ русских как дикого, варварского народа, подвергшегося «азиатизирующему» воздействию татар. Сходные представления о «москалях» Речь Посполитая стремилась выработать и среди православного западнорусского населения, дабы блокировать рост промосковских симпатий. Надо признать, поляки в этом немало преуспели, о чем свидетельствуют метания и измены украинских гетманов и части православного западнорусского духовенства в период Русско-польской войны 1654–1667 гг. Очевидно, определенные предубеждения против «москалей» сохранились и после окончательного присоединения территории Украины к России.

В результате у разных групп восточных славян, продолжавших себя идентифицировать как «Русь», «русские», формировалось зауженное представление о «Руси», которая отождествлялась только со «своим» пространством. Для великороссов «хохлацкое» начало в противовес собственной «русскости» отождествлялось с «подозрительным» польско-католическим влиянием. У малороссов противопоставление «Руси» «Москве» выработалось в значительной мере под польским влиянием, при этом негативное восприятие «Москвы» было связано с якобы варваризирующим татарским влиянием.

Этот малоросско-великоросский антагонизм в начале XIX в. очень емко охарактеризовал историк и этнограф Ю. Венелин, выходец из Закарпатья, долгое время проживший в России и хорошо знавший ситуацию в разных частях исторической Руси: «Здесь нельзя не упомянуть о важном споре между южанами и северянами насчет их россизма (здесь подразумеваю мнение черни, простолюдия). По мнению москвитян, например, тот только настоящий русский, кто умеет гаварить па-настоящему, т. е. парусски, а это значит: по-северному. Но горе южанину; вы можете знать в совершенстве северное русское наречие или так называемый русский язык; можете даже почти совершенно подделаться под северный выговор; но горе вам, если вы спотыкнулись в малейшем оттенении в выговоре, – вам скажут: “Вы верна из немцов?” или “Вы верна нездешний?”, и тогда, любезный мой южанин, называйся, как тебе заблагорассудится, – испанцем, пруссаком, халдейцем или тарапанцем, – все равно, все тебе поверят, и как ты ни вертись, ни божись, все ты не русский! Но ты скажешь, что ты малоросс – все равно, все ты не русский, ибо московскому простолюдину чуждо слово росс; и будет ли этот росс велик или мал, для него все равно, только он убежден, что он не русский, а поляк, или хохол, или литва, или казак, или украинец, или что-либо похожее; словом, что он не свой. И в самом деле, можно ли человека почесть своим, который не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом и не гаварит харашо, а добре! <...> Но зато и южане, в свою очередь, не допускают северян участвовать в россизме; как ни называй себя он русским, все-таки он не русин, а москаль, липован и кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а все прочее московщина. В том же самом мнении и какой-либо карпато-росс, живущий на берегах Тисы; его Часослов или Минея киевской печати напоминают ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не редкость. Он принял русского гренадера, северного уроженца, за чеха, но только глуховский, или воронежский, или черниговский гренадер покажется ему настоящим русским; равномерно землянин Люблинского воеводства в Царстве Польском готов биться об заклад, что он чище русак, нежели ярославский и володимирский москаль»⁹.

По сути, в этом «споре о россизме» угадывались контуры национально-политического размежевания между великороссами и малороссами как между родственными, но разными и в чем-то антагонистичными народами. Причем импульс этого размежевания исходил не только от малороссов, но и от великороссов. Современный историк С. Сергеев приводит такие свидетельства этого: «Скажем, известный журналист Н. А. Полевой (несмотря на фамилию, вовсе не украинец, а сибиряк с курскими корнями) писал в 1830 г., что хотя “доныне Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка, и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские”. Выдающийся историк М. П. Погодин в 1845 г. позволил себе такое рассуждение: “Великороссияне живут рядом с Малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну Историю. Но сколько есть различия между Великороссиянами и Малороссиянами! Нет ли у нас большего сходства в некоторых качествах даже с Французами, чем с ними? В чем же состоит сходство? – Этот вопрос гораздо затруднительнее”. Определенно отделял малороссов от великороссов в тексте 1850 г. один из лидеров славянофильства Ю. Ф. Самарин. Склонный к увлечениям и крайностям Аполлон Григорьев в середине 1850-х гг. высказывал подозрение к “хохлацкому началу”, наряду с “ляхитским”, а в начале 1860-х уже восхвалял поэзию Шевченко как явление новой великой литературы славянского мира, т. е. в обоих случаях мыслил украинцев в качестве отдельного народа»¹⁰.

Однако в великорусской среде этот «сепаратизм» не получил серьезного развития, так как идея общерусского единства базировалась в первую очередь на великорусских образцах. Несмотря на то что в разработке общерусской идеи приняли участие мно-

гие выходцы из Южной и Западной Руси (т. е. будущих Украины и Беларуси), именно Великороссия в Новое время становится ведущим политическим и культурным центром восточнославянского мира. Собственно, и многие общерусски настроенные выходцы из Южной Руси были обосновавшимися в Великороссии мигрантами, которые вполне осознанно ориентировались на великорусские образцы и нивелировали южнорусские особенности, воспринимаемые в Великороссии как «неправильные».

В Малороссии национально-языковые процессы обретают двойственный и неоднозначный характер. С одной стороны, шла планомерная экспансия русской культуры и языка: большое количество малороссов интегрировалось в российскую культурную, политическую элиту, стало пламенными русскими патриотами и рассматривало этноязыковые особенности своей малой родины не более как провинциальное своеобразие. Городская культура левобережной Малороссии была почти исключительно русскоязычной; в городах правобережья русский язык медленно, но уверенно вытеснял польский. Простой народ также ориентировался на русскую культуру как социально престижную; начинался процесс нивелировки диалектных и этнографических отличий, особенно в местах пограничного и смешанного проживания с великороссами.

При этом простонародная южнорусская культура по-прежнему оставалась в значительной степени гибридной, подвергшейся сильному польскому воздействию. В первую очередь это касалось языка. Более того, в Правобережной Украине до самого конца Российской империи продолжало доминировать польское землевладение, а значит, сохранялось преобладание и престижный характер польской культуры, так или иначе воздействовавшей на весь бытовой уклад региона. Сохранились многие рудименты польского культурного влияния и в левобережной Малороссии? Польское подчас настолько «сплавилось» с южнорусским, что начинало восприниматься как нечто «исконное», бывшее всегда.

Таким образом, возникает определенный антагонизм между «высокой» русской культурой и «низовой», простонародной культурой Малороссии. Постепенно оформляется стремление разработать на базе этой простонародной культуры самостоятельную «высокую» национальную традицию (то, что О. Неменский охарактеризовал как «сельский национализм»¹¹). В первую очередь это было связано с попытками литературного творчества на малоросском наречии, вдохновленными интересом к фольклорному наследию малороссов (особенно с казацкой романтикой). Подобные эксперименты, однако, долгое время не воспринимались всерьез, а многие малороссийские литераторы сочетали опыты на малоросском наречии с творчеством на литературном русском языке. Заговорить о перспективах украинского как самостоятельного литературного языка заставило творчество Т. Шевченко, которое получило широкую популярность и породило массу подражателей и эпигонов. Так зарождается языковое противостояние. В противовес сторонникам общерусского единства, ориентировавшимся на церковнославянские и древнерусские образцы и считавшим современный русский язык (несмотря на его «великорусский выговор») прямым наследником древнерусской языковой традиции, «сознательные» украинцы берут за основу диалекты, испытывавшие сильное польское влияние. При этом в целях максимального отмежевания от русского языка польская лексическая компонента нарочито усиливалась, что нередко вызвало осуждение даже в рядах сторонников «украинской идеи»¹².

В идейном плане украинское движение актуализирует те центробежные тенденции в великоросско-малоросских отношениях, которые описал Ю. Венелин. Оно базируется на зауженном понимании «Руси» («Украины-Руси»), противопоставляемой «Москве», на которую проецируются заимствованные у поляков фобии и предубеждения (татарское влияние, «азиатчина» и т. п.). В этом контексте «Украина-Русь» рассматривается как носитель более чистого «славяно-русского» и «европейского» культурного начала.

Разрастанию украинского движения способствовал переход части ополяченной правобережной шляхты на «украинские» позиции. Эта шляхта, будучи по происхождению преимущественно из ополяченных малороссов, нередко сохраняла пограничное, двойственное самосознание: помнила о своем «русском» происхождении, в быту говорила не столько на «правильном» польском, сколько на сильно ополяченных малоросских диалектах. Гибель Речи Посполитой и деполонизаторские меры Российской империи не позволили завершиться полонизации этой прослойки. Провал польских восстаний делал надежду на восстановление Речи Посполитой все более призрачной, что способствовало разочарованию части «украинской» шляхты в польской идее и толкало ее в ряды уже заявивших о себе «укаинофилов». Кроме того, «украинские» шляхтичи нередко сталкивались в польской среде с точно таким же высокомерно-презрительным отношением к себе, как к «неправильным» провинциалам, с каким нередко сталкивались малороссы в Великороссии. Очевидно, это также было стимулирующим мотивом к обособлению от «большой» польской культуры. Аналогичные процессы шли и в среде «литвинской» шляхты, часть которой на рубеже

XIX–XX вв. предпримет попытку перекодировать провинциальную польско-литовскую традицию в понятиях белорусского национализма.

Питали сепаратистские настроения в Малороссии и объективные изъяны общественно-политического устройства Российской империи, которые ей так до конца и не удалось преодолеть; прежде всего это касается угнетенного положения крестьян. Так, у Т. Шевченко лейтмотивом творчества стало противопоставление вольной казацкой Украины тираническим нравам царской России. Социальный, эмансипаторский характер украинской идеологии способствовал росту ее популярности среди увлекшейся социалистическими идеями разночинной интеллигенции Малороссии.

Безусловно, немалую роль в становлении украинской идеологии сыграли и внешние силы, заинтересованные в раскачивании российской государственности. Первую скрипку здесь играла Австрия, в составе которой оказалась одна из малоросских провинций – Галичина. Также развивалось ориентированное на Россию общерусское движение (или, как его здесь называли, «старорусское», «твердорусское»), однако с 1860-х гг. начинает формироваться украинское течение, во многом под влиянием перебравшихся сюда из России украинофилов. Именно здесь, в австрийской Галиции, для развития украинского движения складываются благоприятные условия, которые со временем и превратили регион в оплот украинского национализма. Австрия приложила максимальные усилия, чтобы создать благоприятные условия для развития украинского течения и подавления русского – так Галичина превращается в «украинский Пьемонт». Этим австрийцы решали ряд как внутри-, так и внешнеполитических задач. На внешнеполитическом направлении украинское движение работало как таран против России, дестабилизируя малоросские области. Во внутренней политике австрийские власти использовали украинцев в качестве союзников против русского движения как потенциальной пятой колонны России, а также играли на противоречиях украинцев и поляков, укрепляя свою власть в Галиции посредством классического имперского принципа «разделяй и властвуй».

К началу XX в. раскол малороссов на «твердорусов» и «украинцев» был уже очевиден, а «украинский вопрос» имел общероссийский резонанс.

Советская и постсоветская Украина: противоречия национального строительства

В советский период украинский вопрос решался неоднозначно, и именно зигзаги и противоречия советской национальной политики создали тот конфликтный потенциал, от которого сегодня страдает Украина. В 1920-е гг. советская власть, руководствуясь идеей самоопределения «угнетаемых» наций, развернула жесткую политику украинизации¹³. Украина получает статус союзной республики, общерусская идеология осуждается как «шовинистическая», начинается интенсивная литературная обработка и массированное внедрение украинского языка вместо русского во все сферы жизни. В 1930-е гг., однако, осознав угрозу центробежных тенденций, порождаемых политической коренизацией, советское руководство резко меняет вектор. Украинская гуманитарная интеллигенция подвергается массовым репрессиям, вновь берется курс на усиление роли русского языка как «языка межнационального общения». В послевоенный период отношения русских и украинцев в официальной идеологии описываются как отношения самостоятельных, но братских народов, восходящих к общему предку – древнерусской народности – и связанных тесными историческими и культурными узами. В 1954 г. помпезно отмечается 300-летие Переяславской рады, подаваемое официальной пропагандой как «воссоединение России и Украины». Таким образом, позднесоветская национальная доктрина в отношении восточных славян частично вернулась ко многим положениям дореволюционной концепции «триединого русского народа».

Советское национальное строительство дало крайне противоречивые внутренние результаты. С одной стороны, самостоятельные украинский язык и культура были окончательно институционализированы, возникла обширная прослойка «сознательной» украинской гуманитарной интеллигенции. В то же время национальное сознание украинцев на массовом уровне оставалось достаточно нечетким, жесткого языкового, культурного, идентификационного барьера между русскими и украинцами так и не возникло. На бытовом уровне граница между русским и украинским языками была размыта, о чем говорит широкое распространение смешанного украинско-русского просторечия – суржика (аналог трасянки). Более того, по сути, русский и украинский воспринимались как разные стилистические регистры одного языка: русский – как престижный «городской» язык, украинский – как «простой», сельский. Поэтому в ходе индустриализации и урбанизации, вызвавшей массовую миграцию украинских крестьян в города, переход с «сельских» украинских говоров на «городской» русский язык протекал достаточно безболезненно и естественно.

В первую очередь это касалось восточных и южных областей Украины, исторически более тесно связанных с Россией, где русское культурное влияние всегда было сильнее. Юго-восточные районы Украины, в XIX в. известные как Новороссия, сложились в результате освоения Российской империей степей северного Причерноморья. Самосознание этих регионов всегда было связано именно с российской национальной и государственным строительством, города, например, Харьков и Одесса стали мощными центрами русскоязычной культуры, а украинская национальная идея широкой поддержкой не пользовалась, несмотря на то что большинство местного населения было потомками переселенцев с исторической Украины (что и предопределило включение этих областей в состав Украинской ССР).

Разумеется, «национально сознательными» украинцами подобная ситуация воспринималась болезненно, как последствие злонамеренной русификаторской политики. Это закладывало предпосылки для той напряженности на национально-языковой почве, которая возникнет уже в независимой Украине.

Дополнительный конфронтационный потенциал создало присоединение к Украине Галиции. Как уже отмечалось, превращение Галиции в оплот украинского националистического радикализма началось в XIX в. под покровительством Австрии, в состав которой тогда входила эта провинция. Влияние немецкой политической мысли на западноукраинских националистов, очевидно, обусловило распространение в их среде фашистских и нацистских идей: в 1920–30-е гг. складывается тот хорошо известный «бандеровский» национализм, основанный на идеях расовой чистоты Украины, свободной от чужаков – «ляхов, жидов и москалей». Западноукраинские националисты в межвоенный период находились в тесной связи с немецкими спецслужбами, которые пытались использовать их как таран против Польши, в состав которой тогда входила Западная Украина, а также против СССР.

Следует, однако, отметить, что накануне Второй мировой войны профашистский национализм еще не имел идейной монополии в Западной Украине. В западноукраинском национальном движении было сильным и ориентированное на СССР коммунистическое течение; население в 1939 г. встречало Красную армию как освободительницу. Кроме того, было живо и старое русофильское движение: в межвоенном Львове продолжали существовать организации галицких русофилов, издавались русские газеты и журналы.

Однако недальновидная советская политика, обернувшаяся массовыми репрессиями, депортациями, коллективизацией, погромом церкви, сыграла на руку радикальным профашистским формированиям. Именно поэтому во время войны украинским националистам удалось создать мощную военизированную сеть, окончательно ликвидировать которую удалось только в 1950-е гг.

В послевоенном СССР «бандеровская» тема была табуирована: западноукраинский национализм не вписывался в официальную схему «трех братских восточнославянских народов». Многие активисты националистического подполья, отбыв сроки в сталинских лагерях (а то и вовсе избежав наказания), вели жизнь обычных советских граждан. Достаточно вспомнить хатынского палача Григория Васюру, преступления которого вскрылись только в 1980-е гг., а также многолетнее замалчивание «украинского следа» в нацистских карательных акциях в Беларуси.

Несмотря на силовое подавление военизированных формирований западноукраинских националистов, идеология продолжала жить и развиваться. Именно в позднем СССР в кругах националистической интеллигенции постепенно складывается культ «бандеровцев» как национальных героев – борцов за независимость. Получал украинский национализм и подпитку извне: во время холодной войны украинскую карту против СССР разыгрывали уже США, где сформировалась сильная диаспора украинской националистической эмиграции и целая сеть соответствующих организаций.

Кризис и распад СССР закономерно сопровождался всплеском украинского национализма. Националистическая интеллигенция получила монополию на формирование идеологии украинского государства, которая с самого начала обрела выраженный антироссийский характер. Украинскому обществу последовательно прививался комплекс жертвы перманентной российской агрессии. России и СССР приписывались все мнимые или реальные обиды: ограничения украинского языка в XIX в., «растрелянное возрождение» 1930-х гг., голод 1932 г., представляемый украинской пропагандой как спланированный геноцид украинцев. Происходила и осторожная, однако последовательная реабилитация западноукраинских профашистских формирований времен Второй мировой войны. В этом плане показательна эволюция двух украинских «майданов». На Майдане 2004 г. черно-красная символика Украинской повстанческой армии практически не использовалась, а основным символом был «нейтральный» оранжевый цвет. В ходе Евромайдана 2013–2014 гг. черно-красная символика, портреты Бандеры и других западноукраинских вожakov применялись очень широко. Точно так же в публичном пространстве стало широко использовать-

ся бандеровское приветствие «Слава Украине! – Героям слава!», чего раньше старались избегать. Подобная радикализация связана в том числе с выходом на политическую арену первого поколения постсоветской Украины, с рождения воспитанного на такого рода идеологическом продукте.

Однако именно радикализация украинского национализма в качестве идеологической основы государственности спровоцировала рост напряженности между регионами страны, которая вылилась в полномасштабное вооруженное противостояние в 2014 г. Русскоязычные юго-восточные регионы с момента провозглашения независимости занимали достаточно осторожную позицию и стремились к выработке некоего общеукраинского компромисса. Такой линии, пытались держаться президенты, победившие за счет голосов преимущественно юго-восточных регионов, – Л. Кучма и В. Янукович. Однако логика украинского национализма, делившего население страны на «правильных, сознательных» украинцев и «неправильных, омосковленных», требующих национальной перековки, препятствовала такому компромиссу. Диффамационный образ жителей юго-восточных регионов как «украинцев второго сорта» стал весьма популярен в националистических кругах Киева и Львова. Особенно показательна травля жителей Донбасса в период президентства В. Януковича, развернутая многими украинскими СМИ, когда даже слово «донецкий» имело чуть ли не ругательный оттенок.

Следствием этого стало нарастающее недовольство юго-восточных регионов текущим форматом украинской государственности. Ползучая эскалация межрегиональной напряженности, впервые публично обозначившаяся в ходе «оранжевой революции», вылилась в открытый гражданский конфликт, когда на политическую авансцену вышли открытые националистические радикалы, готовые использовать не только лозунги и символы, но и, как показали события в Харькове, Одессе, Мариуполе, методы «бандеровцев».

Это, в свою очередь, вызвало радикализацию настроений на юго-востоке Украины. Массовое использование российской символики в ходе акций протеста в Харькове, Одессе, Донецке весной 2014 г. стало беспрецедентным в истории постсоветской Украины. Эскалация насилия на юго-востоке выдвинула радикальные политические силы, требующие отделения от Украины и либо непосредственного вхождения в состав России, либо создания союзных государственных образований. Показательна в этом плане реанимация термина «Новороссия» как обозначения особой региональной общности в рамках «русского мира».

Таким образом, радикальный украинский национализм стал основным конфронтационным фактором на Украине, способствуя расколу и фрагментации украинского общества и провоцируя волну ответного радикализма в русскоязычных регионах страны.

Как это часто бывало в истории Украины, немалую роль в разворачивании нынешней драмы сыграл и внешний фактор. После распада СССР западные державы продолжили курс на стратегическое сдерживание России, и Украина выступала ключевым звеном этой стратегии. Поэтому поддержка украинских националистов с целью недопустить участие Украины в интеграционных проектах вокруг России всегда была отличительной чертой политики как ЕС, так и США. Россия пыталась не допустить ухода ближайшего соседа в сферу влияния Запада и найти поддержку в юго-восточных регионах, актуализируя тему статуса русского языка и прав русскоязычного населения. Конкуренция внешних игроков также способствовала росту конфликтности и конфронтационности внутри Украины. Таким образом, нынешний конфликт на Украине имеет как внутренние, так и внешние причины, и дальнейшая конфигурация Украины будет определяться не только внутренней расстановкой сил, но и договоренностями между внешними заинтересованными игроками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 См.: Федерализация Украины: единство нации или распад государства? М., 2006. 90 с.
- 2 См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- 3 См.: Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008.
- 4 См.: Неменский О. Панрусизм // *Вопр. национализма*. 2011. № 3. С. 34–43.
- 5 См.: Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // *Вопр. истории*. 1947. № 7. С. 24–38.
- 6 См.: Записки Иосифа Митрополита Литовского: в 3 т. СПб., 1883. Т. 1.
- 7 Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // *Отечеств. записки*. 2007. № 1. С. 28–35.
- 8 Мончаловский О. Литературное и политическое украинофильство // *Украинские страницы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ukrstor.com/ukrstor/monczalowski_ukrainofilstwo.html (дата обращения: 01.06.2014).

⁹ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Ю. Венелин. Истоки Руси и славянства. М., 2011. С. 791–793.

¹⁰ Сергеев С. Прощание славян // АПН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article31162.htm> (дата обращения: 01.06.2014).

¹¹ Неменский О. Национализм городской и сельский // Вопр. национализма. 2010. № 1. С. 49–57.

¹² Нечуй-Левицький І. Криве дзеркало української мови // Украинские страницы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/necuj-krivezerkalo.html> (дата обращения: 01.06.2014).

¹³ См.: Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.

Поступила в редакцию 19.06.2014.